

ВЕСТНИКИ С НЕБЕС В ЭТОТ МИР НЕ ВМЕШАЮТСЯ

Беседа со священником Георгием Кочетковым о великом русском художнике Анатолии Звереве

— Многие считают Зверева гениальным художником, и Вы соглашаетесь с этим мнением. Как Вы думаете, в чем проявляется его гениальность?

Свящ. Георгий Кочетков: Он — человек, о котором верно было сказано: «Если есть в стране Зверев, то значит, эта страна жива». По отношению к советскому периоду вопрос, жила ли страна хоть как-то или совсем была мертва, всегда был очень спорным. Так вот: если были такие люди, как Зверев — в живописи, в музыке — Шнитке, и духовно-словесной культуре — Аверинцев, то, значит, страна была жива.

Для меня это очень важно, потому что гениальность — вещь особая. Гениальность — это не просто некая самостоятельность, не просто способность повести культуру и людей новыми путями. Это всегда та степень творчества, когда вся человеческая талантливость ставится на службу одному таланту, который выше и больше самого художника, может быть, даже не вполне понимающего или оце-

ных вещей видно, что ему где-то не хватает именно художественной выучки. Однако, в конце концов, у многих есть эта выучка, но таких проблем не то что ты не гениальности, а даже таланта — нет.

— Мне показалось, он очень уверен в своем даре, и поэтому так точно подступает к материалу.

О. Георгий: Пророки и гении всегда знают о своем даре (другой вопрос — что они с ним делают; в их власти или погубить этот дар, или раскрыть и усвоить, и принести соответствующий плод). Нельзя быть пророком, не зная о том, что ты пророк! Нельзя быть гениальным художником, или писателем, или музыкантом, не зная, что ты — творец. Просто нельзя, какого бы ты ни был темперамента, какой бы ты ни был культуры, возраста, пола, и т.д. Это очень важно. Почему таких людей всегда подозревают в гордости? Почему считается, что лучше быть «простым святым», как бы убрав ради общего чина и образа святости все свои отличительные свойства, которые к тому же очень часто не вписываются в общепризнанные каноны поведения, отношений, взглядов и т.д.? Потому что все это людей шокирует — они боятся открытого пространства жизни, их больше привлекает тихое болотце, тихая заводь. Не случайно даже церковь люди умудрились за столетия сделать тихим омутом.

— Наверное, в этом драма или даже трагедия пророчества. Пророк знает о своем даре — но оказывается, что мир не может его принять.

О. Георгий: Такие люди — гении и пророки, великие творцы — не очень оборачиваются на мир. Они согласны исполнить свое предназначение в любых условиях — вот это потрясающе! — и в богатстве, и в бедности, и даже если у них есть какие-то врожденные или приобретенные вывихи... Вспомните знаменитую фразу о Достоевском — что он гений не благодаря, а вопреки своей психической болезни, своей эпилепсии — это же обо многом говорит. То же самое можно сказать про Зверева. Он великий художник вопреки своему алкоголизму, а не благодаря ему. То же можно сказать и про других. Микеланджело или Леонардо великие гении вопреки своему гомосексуализму, вопреки каким-то другим вещам, а не благодаря им, как сейчас пытаются это иногда представить...

— ...оправдывая всякие страсти.

О. Георгий: Да, многие сегодня уверяют: хочешь быть гением — будь гомосексуалистом, будь пьяницей, будь наркоманом, будь разрушителем всего. И люди в богемной среде очень часто на это ловятся. Там считают, что все эти искажения совершенно нормальные, иначе ты не станешь великим художником, талантливым артистом, писателем. Мне не однажды приходилось беседовать на эти темы с теми, кто привык находиться в этом кругу (условно назовем его богемным), поэтому я это точно знаю.

— Можно ли сказать о Звереве, что он принес с собой какое-то откровение, т.е. в чем-то был первооткрывателем?

О. Георгий: Конечно. Если бы этого не было, то не было бы и гениальности. Гениальность обязательно включает в себя это качество — быть первооткрывателем, открывать что-то совершенно новое, миру еще не известное. Если угодно — даже творить новое: новый взгляд на вещи, новые звуки, новые гармонии — то, чего, может быть, в природе не было. Это и есть творчество.

— Можно ли как-то прочитать, в чем это откровение?

О. Георгий: Я считаю, что его откровение в особом экзистенциальном взгляде на человека. Он по-новому увидел человека в условиях, когда человеческое лично не имел никому не интересно — более того, опасно. Быть носителем человеческого лица в советском обществе было опасно для жизни. Я помню, один ста-

рый казбэшник, который работал в организациях с 30-х годов (в те времена он был молодым человеком), мне как-то говорил: «Вот, Георгий, таких как ты мы брали на улице по одному виду». Потому что было видно, что илет человек со своим лицом, каким бы оно ни было...

— Это страшно.

О. Георгий: Но так жила наша страна! Именно в этих нечеловеческих условиях Зверев смог найти человека, найти в нем человеческую основу, которая, исходя из общих соображений христианской антропологии, всегда, конечно же, есть, — найти и выразить, и тем самым как бы сотворить, поднять, восстановить падший образ. Это — богочеловеческое действие, и поэтому — гениальность. Именно благодаря этому можно сказать, что если есть такой художник, значит, есть живая страна, живой народ. То же самое в музыке, литературе и гуманитарной сфере — филологии, философии, богословии.

Это самое трудное, почти невозможное в наше время. Почему особенно важен Зверев? Были творцы, которые еще сохранились у нас «по наследству» с дореволюционных или с первых послереволюционных времен. Но они очень быстро сходили на нет: их выгоняли, убивали, они или ломались полностью, или просто рано умирали. К семидесятым годам почти никого уже не осталось. Та же Ахматова в какой-то степени современник Зверева, но она целиком принадлежит старому миру, она никогда не была советской — никогда! А Зверев — он из советской рабочей среды, он весь был в этом, и он это превзошел. Это большая разница. Ахматова смогла сохранить себя вопреки всему. Она великий человек. Но она все-таки не гений. А Зверев — гений.

— Есть ли что-то сейчас в нашем искусстве, что, можно сказать, продолжает это направление; было ли где-то это откровение Зверева воспринято?

О. Георгий: Думаю, оно сейчас только открывается. Конечно, были ценители его творчества; невозможно было знать его и не ценить. О нем знал не только Георгий Костяки, но и другие. Но даже когда они говорили самые превоспиренные слова, как Фальк, скажем, — все равно они его недооценивали и не очень понимали. Только сейчас приходит время Зверева.

Не случайно идут бесконечной чередой его выставки в Москве. Но официальных выставок среди них нет. «Дом Нащокина» — это частная галерея. «Новый Манеж» выставляет свои вещи на продажу. И даже если висят две замечательные вещи Зверева на Крымском валу, в новой Третьяковке, то всё равно только две (что просто позор), а кроме того, они висят так, что можно легко пройти и не заметить их. И это понятно: там Плавинский висит рядом. Это замечательный художник, я ничего против него не имею; он не гений, скажем мягко. И там он более заметен, чем Зверев. Я специально искал Зверева и потому нашел эти две работы, которые повесили почти в проходке. А то можно, переходя из зала в зал, их не заметить. Удивительно, насколько распространено в официальных и государственных структурах нечувствие к гениальности!

Ведь по-настоящему талантливых художников, которые вполне могут тягаться с художниками мировой известности, слава Богу, в нашей стране достаточно, но большинство художников мировой известности, уж коли мы сегодня о гениальности говорим, — они не гении. Так, например, Рубен был гений, а замечательные, удивительные иконописцы его времени — не гении. Всегда есть какая-то невидимая грань, до которой они только доходят, но не переходят ее самостоятельно, не вырываются за нее — они не могут открыть чего-то совершенно нового, им не хватает духа, не хватает свободы, смелости, дерзновения, проры-

Автопортрет, 1957г.

ва, а может быть еще и смирения, без которого гений жить не может. У гения всегда есть и дерзновение, и смирение. Дерзновение часто путают с дерзостью, с гордостью, а смирение — со следствием страстей, подавленностью или какими-то другими вещами, которые тоже свойственны гениям в некоторые моменты их жизни. На самом же деле смирение гения в том, что он готов на всё для реализации своего дара. Он действительно готов от всего отказаться — и от отца, и от матери, и от жены, и от детей, и от имущества, и от своего здоровья, от жизни, от самого себя... И отказываются! Если человек оглядывается на свою семью, на своих родных, близких, если он оглядывается на свою работу, выгоду, общественное признание, понимание, даже на своих друзей — именно оглядывается на них, а не просто опирается в чем-то, — то он уже не может прорваться, это надо очень хорошо понимать.

— И это неизбежный путь для гениального человека?

О. Георгий: Да, неизбежный. Подобно тому как дар Божий в этом мире не принимается, потому что воспринимается как чужой, точно так же и гениальность. Это вестники с небес, они в этот мир не вмешиваются. Это то же, что было с Пушкиным — не случайно его убили в тридцать семь лет...

— Т.е. получается, что человек обречен на одиночество?

О. Георгий: ...или на смерть. Или на полный кеносис, как Рембрандт, допустим, который пережил своего единственного сына, уж не говоря про свою первую жену — все пережил, все свое благополучие, и умер фактически забытым... Если бы Пушкин выжил, его бы, как мне кажется, ждала бы подобная же участь — его бы забыли. Его уже начали забывать незадолго до смерти, он был далеко не в фокусе общественного внимания. Мы редко об этом думаем.

— Наверное, гения очень сложно вынести рядом с собой...

О. Георгий: Не то что очень сложно — невозможно! Не только из-за неудобства их индивидуальных свойств, но просто потому, что гениальность вызывает зависть, непонимание и отторжение. Ведь и Христа отторгли в конце концов, потому что иудейское общество, даже будучи порабощенным, даже желая освобождения, даже будучи готовым на какой-то свой национальный путь, свой узконоциональный подвиг (как мы бы сейчас назвали — «националистический»), — всё равно было собой довольно, даже в тех особых условиях, и очень высоко себя ставило. И поэтому им не нужны были вестники с небес, не нужен был никакой Сын Божий. Мессия им на самом деле был не нужен, сколько бы они о Нем ни думали, ни говорили, ни толковали. Это ведь тоже очень важно.

Продолжение на с. 2

Женский портрет.

нивающего этот талант. И очень часто бывает — то, что ценили при жизни художника или какого-то другого гения, потом оказывалось не самым главным в его творчестве, в его наследии; а то, что ценили меньше, вдруг вышло на первое место. Достаточно вспомнить довольно поздно признанного Иоганна Себастьяна Баха. И не только его. Даже Рембрандт был далеко не в фаворе, я не говорю про Яна Вермеера Дельфтского, или в музыке — Антонио Вивальди. Это всё художники или музыканты, а можно вспомнить и поэтов, и архитекторов, и деятелей науки, особенно гуманитарной, писателей, которых при жизни или вообще не ценили, или ценили не совсем за то, за что их ценим мы. Такой великий талант, являющийся собой образ великого сокровища, великой жемчужины Царства Небесного, действительно дается редко. Это как алмаз или корень женьшеня, обладающий особыми, уникальными свойствами. Скажем, почему бы корню женьшеня не расти как чертополоху? Почему алмазов нет, а простого камня, гранита, много? Потому я и ценю Зверева, что в нем очевидно есть этот уникальный дар.

Хотя его и обожали люди приближенные, но его почти никто не знал. Он сам себя ценил высоко, и он пытался размышлять — о жизни, о судьбе, о себе, о прошлом, о настоящем, о будущем, пытался оценивать какие-то крупные события, и при этом оставаться на твердой почве, не теряя трезвости. В этом смысле он действительно интересен. Его нельзя назвать художником-самоучкой. Пытались называть его так, и он действительно не имел какого-то высокого и целостного художественного образования, но все же язык не поворачивается назвать его самоучкой, хотя в каких-то отдель-

Вестники с небес в этот мир не вмещаются

Продолжение. Начало на с. 1

Вот почему у Зверева есть сильный христианский момент. Он, очевидно, не был церковным человеком. Ну, может быть, в глубине души был где-то как-то верующим. Но он для нас, церковных людей, куда более интересен, чем многие церковные художники, даже лучшие, такие как Нестеров. Это замечательный художник, но он куда менее интересен, чем художник Зверев.

— Получается, что какое-то время происходит, и люди узнают, что рядом с ними был такой человек... Как это происходит?

О. Георгиев: Светильник нельзя поставить под кроватю — он всё равно светит. Просто пока людям это слишком близко, свет слепит им глаза, и они ничего не видят. Но потом проходит время, и они, уже оглядываясь назад, на некотором расстоянии, начинают вдруг что-то различать.

Неслучайно нам сейчас бывают немало скучноваты те, кто признавался величайшими гениями своего времени. Мы сейчас не читаем Гегеля, а его считали вершиной философской мысли. Нам бывает скучновато смотреть на Рубенса, хотя он удивительный художник, а уж про Ван Дейка и говорить нечего. У нас в России первый великий художник с проблемной гениальностью — Александр Иванов, до него таких не было, исключая древнерусских иконописцев. Были очень

Портрет Г.Костомарова

талантливые, типа Рокотова, были просто талантливые типа Боровиковского, Левицкого, но гениев не было, Иванов — первый, и то прорвавшийся лишь отчасти — в своих библейских эскизах — к гениальности. Это есть далеко не во всех его картинах — они были в известном смысле станком, который оттачивал его умение, его видение, его глаз; только отдельные этюды — удивительные итальянские пейзажи, его «обнаженные мальчики» и, конечно, ряд больших картин говорит об этом. Но ведь современники его терпеть не могли, и то, что император купил его картину — это чудо из чудес, подобное тому, как Николай II по случайному стечению обстоятельств канонизировал Серафима Саровского. Это уж промысел Божий, скажем так.

Это очень важно, потому что русское искусство не осознано и не оценено. Недавно я задумался: а были ли у нас гении? Не Рублев, не Дионисий, не Феофан Грек, а потом — с XVIII века? И вдруг обнаружил, что это люди, которые составляют удивительную цепочку внутренних и внешней взаимосвязи: Александр Иванов, потом сразу — Врубель, Серов, после них — с проблемной гениальностью Петров-Водкин (далеко не во всем, далеко не всегда; он обрел некое новое видение, у него была потенция гениальности, но смог он ее реализовать или нет — это вопрос). Может быть, Корин в своих известных этюдах к «Русиходящей» (при этом нужно понимать, что и у Корина работы «на заказ», скажем, портрет Жукова получались просто на уровне талантливого художника). Все эти художники находились под прямым воздействием Иванова. Вспомните горизонтальные

Портрет актрисы Самойловой, 1958г.

длинные пейзажи Корина — один к одному ивановские. И вот, после Корина или Петрова-Водкина — сразу Зверев. И все, и больше ничего.

Наши гении — это не Малевич, не Кандинский, не Шагал. Они очень талантливы, они в каком-то смысле цивилизационно сыграли огромную роль. Но это уже больше цивилизация, чем культура. И хотя их влияние огромно, их признавал весь мир, как сейчас начинают признавать других русских художников того времени, но они не гении.

Удивительная череда русских гениальных художников — это цепочка, о которой я уже сказал, зародившаяся в лице Иванова, как кажется, совсем случайно. Современники-итальянцы, в среде которых он работал, на голову ниже его, т.е. он отнюдь не под их влиянием делал свои вещи и не под влиянием других своих современников, которые могли проходить через Италию, будучи французами, немцами и т.д.

Для нас очень важно, что становится таким «зерном». С одной стороны, каждый гений — это какое-то явление, т.е. действительно «человек с неба», а с другой стороны, он всегда стоит на какой-то почве, кто-то его оплодотворил здесь — не только «сверху», но и «снизу», от земли. И эта земля не высыхает в таких случаях. Почему мы плохо знаем свою культуру? Потому что мы живем совсем не в этой традиции. Спросите об этих художниках у наших современников — много ли вам скажут по существу, даже если знают их по именам? А если что-то начнут говорить — так это ж, простите, уши вундут.

Можно было бы выстроить такую цепочку и в области мысли, и в области литературы, художественной культуры. В литературе первым гением мы по праву считаем Пушкина, а от него пошла череда: на прямую влиял на Лермонтова, на Гоголя и Достоевского, и т.д. И Пушкина в русской литературе не обещать никак.

Если говорить о мыслителях (опять же, обращаясь лишь к эпохе после XVII в.), то начиная с конца это С.С.Аверинцев, перед ним — Н.А. Бердяев, С. Булгаков. А кто перед ними — сказать трудно, не знаю. Соловьев? Нет, не достижает. Достоевский? Да, но это скорее литература. Получается, что мы в Новое время начали свою «гениальную» цепочку позже всего здесь. А раньше всего — в литературе, и это очень характерно для России, и очень важно для нас: сначала Пушкин, а потом — А. Иванов, уж не говоря про Бердяева и Булгакова, это сильно потом.

С одной стороны, это несколько имен, с другой стороны, это наше приношение всему человечеству. Это то, чего не может быть нигде больше.

В истории вообще не так много гениев. Это очень видно, допустим, на примере живописи итальянского Возрождения, или, скажем, французской живописи. Огромное количество художников — можно только удивляться, сколько людей было вовлечено в этот процесс (что только положительно можно оценить), но гениев-то мало. Талантливых художников много, я удивляюсь тому, что мы знаем. Кого мы сейчас ценим из итальянцев? Фра Беато Анжелико де Фезоле, а потом — Боттичелли, перед этим — Джотто, а потом «великая троица» — Ра-

фаэль, Леонардо, Микеланджело, скажем, Тициан, вот, кажется, и всё. Может быть, еще Тинторетто, а потом уж за гениями надо плыть в Испанию — вместе с отплывающим из Италии Эль Греко (Доменико Теотокопули). Просто удивительно. А сюда можно было бы еще присоединить цепочку великих мистиков XVI-XVII вв. и т.д. И получается такой узкий круг.

— Как будто эстафета передается от культуры к культуре...

О. Георгиев: Да, и такой процесс есть, безусловно.

Я боюсь, что сейчас у нас нет в культуре гениев, ни одного нет, и это печально. Уже Аверинцев очень беспокоился по этому поводу. Однажды он спросил меня: «Как я отвечу, что мне сказать себе самому: при ком я живу?» Человек маркирует свое время, называет эпоху по имени гения. Можно сказать: пушкинская эпоха, эпоха Александра Иванова, эпоха Зверева. Мне было весело, когда я услышал слова Сергея Сергеевича, потому что я-то про себя (я не посмел этого вслух сказать) тут же сказал — я живу в эпоху Аверинцева (я это очень хорошо понимаю).

Когда я увидел первую репродукцию Зверева (я ничего не знал об этом художнике и никогда его раньше не видел) — я сразу сказал, что он гений. Когда я услышал буквально первые минуты музыки Шнитке, я сразу сказал — «Кто это? Что это за гений, которого я не знаю?» — «Это Шнитке». — «Это что, старый мастер?» И вдруг оказалось, что это наш почти современник. Первый человек, которого я спросил о Шнитке, сказал: «А, я его знаю!»

— Как Вы думаете, почему чаще всего люди все-таки не отзываются на пророческий голос художника, музыканта или мыслителя? Возможно ли пробить «систему», которая внутри нас сидит и не дает нам слышать?

О. Георгиев: Можно только быть настроенным на поиск нового, на поиск этой гениальности. «Се, творю всё новое», — говорит Господь. И мы должны быть на это хотя бы настроены. Сами, к сожалению, не гении, мы все же мгновенно реагируем на явление гения. Я, в частности, так чувствую наше братство. Мы далеко не гении, но в нашей среде гении могут и родиться, или раскрыться. И что-то подобное происходит — когда люди просто талантливые или очень талантливые приходят к нам. Они как бы светятся новым светом. Это я очень ясно видел на примере Сергея Сергеевича — человека действительно с явными признаками гениальности. Я каждый раз чувствую, как меняются люди, когда приходят к нам, просто попадая на живую почву. Наша конференция* это сейчас очень хорошо показала. Почему людям не хочется уходить с нее, даже неверующим? Они чувствуют, что это зона притяжения, что это какой-то путь; они не видят этого ни в обществе, ни где-то еще в церкви, в культуре, но видят это у нас, и это для них абсолютное свидетельство. Поэтому даже если мы только почва или, как сказал бы о. Виталий Боровой, только навоз, всё равно, это стоит того. Поэтому что на этой почве может что-то вырасти.

— И все-таки у большинства людей, у многих из нас это далеко не всегда выходит. Этому можно и нужно учиться? Чтобы узнать гения, нужно ли иметь особое зрение?

О. Георгиев: Может быть, именно явление гения дарует это особое зрение, которое фокусируется как раз тогда, когда человек смотрит на эти картины, слушает эти звуки, воспринимает эти мысли, читает эти книги. Так что здесь наоборот. Не сначала зрение, а потом — встреча с гением, а сначала встреча с гением, а потом — слышание и т.д. Так же как встреча со Христом: сначала откровение Христа, а потом откровение наших очей и ушей. Почему так мало христиан? Да потому что люди не хотят этого откровения, им нужно от жизни совсем другое. И чтобы увидеть и услышать, нужно, чтобы «открылись их глаза, открылись их уши». Открылось их сердце.

Беседовала Анна Лепехина
22.10.2007

* Имеется в виду прошедшая в августе 2007 г. международная конференция Преображенского содружества малых православных братств — «Христианская общность и общественная солидарность»

Анатолий Тимофеевич ЗВЕРЕВ

Родился 3 ноября 1931 г. Отец был инвалидом гражданской войны, мать — рабочей. Посещал Художественно-промышленное училище (1948-50). Какое-то время учился в МОХУ памяти 1905 года. Его композиции часто создавались как мгновенные импровизации, а в ход шли самые невероятные материалы, наподобие зубной пасты или окурков; работы продавались за бесценок, большинство их осталось у частных лиц. Известно, что когда сотрудники Третьяковской галереи обратились к Звереву с просьбой подарить несколько картин галерее, он ответил: «Зачем? Чтобы они пылились у вас в запасниках? Я лучше отдам знакомым — у них они по крайней мере на стене будут висеть».

Скончался 9 декабря 1986 г.

Автопортрет, 1980-е гг.

К современному художнику, мне знакомому, отношусь, кажется, с уважением за их доброту между собой... хотя положение вещей вообще не дает возможности считать всех счастливыми, хотя иногда (или почему-то) «со стороны смотрящие» уже заведомо «признают» за счастье называться «художником». Я лично себя пока не умею считать «счастливым», — в особенности, когда я наталкиваюсь на грубость своей собственной судьбы: на «невежество» в чем-то и, в особенностях, когда что-то болит в неполадку.

Наиболее интересные живописцы — разумеется, те, которые могут более других остановить взор на своих полотнах и не утомляют «ненужностью» своих «затей», как в технике, так и в своей тематике: Ван-Гог, Рембрандт, Рубенс, мой учитель — Леонардо да Винчи, Веласкес, Гойя, Ван-Дейк, Рафаэль, Саврасов, Врубель, Рублев, Васильев, Ге, Кипренский, Иванов, Малевич, Кандинский, Боттичелли, Долинин, Серов, Брюллов, Гоген, Констебл и многие другие, коих по фамилии я не знаю или просто не припоминаю...

Что касается художников — «сверстников» — из современных (из так называемых «авангардистов»), лучшими являются все из ныне живущих — потому, что у всех есть будущее, настоящее или — хотя бы — «прошедшее» и т.д. и т.п.

Желаю счастливого всем художникам «плаванья» и попутного ветра в творчестве. «Плыви мой челн по волнам»...

Желаю здоровья, коли таковое найдется. Аминь.

Из автобиографии Анатолия Зверева
1985 г.